Глава 475: Буря поступающих студентов (Часть IV)

Бе Тяньсинь был весьма удивлен. Он не мог представить, что Танг Тридцать Шесть сразу же признает это. Он начал издеваться: «Хотя твой способ ведения дел крайне неприятный, ты в действительности весьма открыт насчет этого».

Затем он повернулся к студентам с ухмылкой и заявил: «Вы все слышали это».

Молодые студенты вмиг оказались в панике. Некоторые студенты, которые собирались поступать, но все еще не заполнили формы, воспользовались преимуществом мгновения, когда никто не смотрел, чтобы отодвинуться к краю толпы. Те студенты, которые уже собрались передать свои формы, вдруг побледнели и наполнились сожалением. Один студент довольно нервно посмотрел на Чэнь Чаншэна и сказал, запинаясь: «Сэр… вы видите, Сэр… форма, которую я только что заполнил, могу ли я забрать ее обратно?»

«Конечно же, ты можешь забрать ее», - Танг Тридцать Шесть услышал голос этого юноши и ответил, не оборачиваясь. Со своим взглядом, все еще сосредоточенным на Бе Тяньсине, он предупредил: «Однако, те люди, которые отступят сейчас, уже никогда вновь не будут иметь возможности поступить в Ортодоксальную Академию».

А затем края его бровей подпрыгнули,а сам он засмеялся, говоря: «И каждому студенту Ортодоксальной Академии я клянусь на характере Его Святейшества, что они ни капли не будут потревожены при встрече с вызовами школ».

Услышав эти слова, руки тех студентов, которые тянулись забрать свои формы, приостановились на столе. Ортодоксальная Академия действительно поклялась на имени Его Святейшества? И этот парень выглядит настолько расслабленным, может быть, что все действительно не так плохо, как сказал этот человек?

Бе Тяньсинь ухмыльнулся: «У клинков и мечей нет глаз, как ты можешь гарантировать это? Или ты планируешь сыграть в одну из своих жалких мелких хитростей?»

Танг Тридцать Шесть насмешливо ответил: «Для человека, которому настолько не хватает мудрости, как тебе, естественно, очень просто ошибочно воспринять все увиденное как мелкие хитрости».

Если Танг Тридцать Шесть действительно планировал свершить мелкую хитрость, то когда Бе Тяньсинь заявил толпе, что набор студентов Ортодоксальной Академии скрывал злые намерения, было совершенно возможно для него решительно отрицать это. Что касается того, что случится после обмана этих студентов на поступление в Ортодоксальную Академию, для него было абсолютно возможно обсудить это, когда придет время. Но он не стал делать этого. Вместо этого, он признал, что новые студенты, принятые в Ортодоксальную Академию, будут представлять ее в Боевой Демонстрации Всех Школ, что было правильно и верно.

При столкновении с этими осуждающими и труднообъяснимыми атаками, быть открытым часто было наиболее могущественным оружием. Это была часть великой мудрости аристократа.

Факты были доказательством, что многие люди желали принять эту открытость. Некоторые студенты, обдумав это несколько раз, все же забрали свои формы у Чэнь Чаншэна. Однако, многие студенты верили в обещание Танга Тридцать Шесть, или, возможно, они не смели сомневаться в характере Его Святейшества. Хотя многие из них беспокоились, они все же продолжили процесс подачи документов до его завершения. Вскоре после этого многие

молодые люди начали подходить и становиться в очередь, чтобы подать документы в Ортодоксальную Академию.

Видя, что его слова не дали особого эффекта, у Бе Тяньсинь на лице появилось жуткое выражение. Поворачиваясь к Чэнь Чаншэну, он сказал с презрением: «В будущем, если они не обмануты, то они должны будут сказать мне спасибо за сказанное мной сейчас. И теперь, когда я думаю об этом, вы все должны быть довольно разъяренными сейчас, видя, что ваши коварные мотивы были раскрыты мной. В будущем, если вы вновь будете планировать использовать этих студентов, я боюсь, что принесу вам еще больше проблем».

Чэнь Чаншэн и Танг Тридцать Шесть посмотрели друг другу в глазах. Они оба действительно разозлились в этот миг.

Набор новых студентов Ортодоксальной Академии, естественно, относился к давлению на нее кланом Тяньхай, но они абсолютно не имели никаких намерений использовать этих студентов из графств и деревень.

Они, очевидно, не имели таких злобных намерений, но это шапка была надета на них против их воли; это было осуждение.

И подобная вещь никогда не требовала фактов. Она лишь требовала несколько слов, чтобы посеять сомнения в умах других. Ей было наиболее трудно перечить, и из-за нее было проще всего разозлиться.

«Я знаю, что вы должны быть очень злы сейчас, но... вы лишь можете терпеть это, потому что никто из вас не будет моим противником. Даже тот волчонок, который лежит в Ортодоксальной Академии, тоже проиграл мне в прошлом». Бе Тяньсинь смотрел на Чэнь Чаншэна с безразличным выражением лица, спрашивая: «А ты? Когда ты готовишься проиграть мне?»

«Действительно достоин быть Бе Тяньсинем, который может полностью рассчитывать умы людей, - Танг Тридцать Шесть вышел перед Чэнь Чаншэном и спросил Бе Тяньсиня, - я действительно хочу узнать, сможешь ли ты рассчитать, что я собираюсь делать дальше?»

Бе Тяньсинь выгнул брови. Его интерес достиг пика, и он выдал: «Ты хочешь сразиться со мной в матче?»

«Я не могу победить тебя», - очень искренне признал Танг Тридцать Шесть.

Бе Тяньсинь был в очень приятном настроении. Усмехаясь, он сказал: «Тогда, я предполагаю, что ты лишь можешь сказать мне несколько колкостей, сказать несколько грубых слов мне».

Танг Тридцать Шесть покачал головой: «Я никогда не делал подобных вещей».

Брови Бе Тяньсиня поднялись еще выше. Ему действительно было интересно, и он желал узнать, каков будет ответ юноши в этой ситуации.

Танг Тридцать Шесть приблизился к нему, посмотрел на него серьезным взглядом, говоря «.».

Его голос был очень мягким, а окружение было довольно шумным, так что кроме него и Чэнь Чаншэна, лишь Бе Тяньсинь мог ясно это слышать.

Бе Тяньсинь подумал, что не расслышал этого ясно. Его брови поднялись еще выше, когда он

спросил в смятении: «Что ты сказал?»

«Я сказал....»

В этот раз его голос был чуть громче, так что было еще больше людей, которые услышали эти слова.

Шум и обсуждения вдруг прекратились. Когда область вокруг Ортодоксальной Академии пала в полную тишину, все взгляды были сосредоточены на Танге Тридцать Шесть.

Особенно у тех стюардов и экспертов клана Тяньхай. Они знали о личности и происхождении Бе Тяньсиня, так что их взгляды на Танга Тридцать Шесть были еще более невероятно шокированными.

Вид лица Бе Тяньсиня стал невероятно уродливым, а в его глазах мелькнула жестокость, как будто он хотел поглотить человека перед собой.

Танг Тридцать Шесть уставился на него и серьезно спросил: «Разве ты не тот, кто может полностью рассчитать сердца людей? Тогда рассчитал ты или нет то, что я скажу тебе?»

Бе Тяньсинь сузил глаза, и убийственная аура постепенно начала излучаться от его тела. Голос, которые сочился из щелей между его зубами, был несравненно холодным. «Скажи это вновь?»

«У тебя плохо с ушами? - Танг Тридцать Шесть, как казалось, был весьма удивлен, а затем сказал. - Тогда слушай еще раз внимательно: #$$%%@. Свою. Мать. #$$%#@».

Область перед Ортодоксальной Академией была мертвенно тихой.

Бе Тяньсинь был в гневе, но улыбнулся, осмеяние в уголке его губ полностью превратилось в лед: «Так оказывается, что ты ищешь смерти».

Чэнь Чаншэн встал перед Тангом Тридцать Шесть, загораживая взгляд Бе Тяньсиня.

Ему не нравились грязные слова Танга Тридцать Шесть, но когда он подумал о тех отвратительных и осуждающих словах, произнесенных этим человеком, он был вынужден признать, что лишь ответ Танга Тридцать Шесть мог быть полезным. Это было то, что подразумевалось под пословицей: ‘Тактика бессмысленна перед абсолютной силой, грязные слова побеждают мудрость’. Более того, Танг Тридцать Шесть вышел вперед как ради него, так и ради Ортодоксальной Академии. Так что, насколько бы неуместными были эти слова, даже если они были неправильными и принесут большие проблемы для Ортодоксальной Академии, он все еще должен был стоять вместе с Тангом Тридцать Шесть. Только вот сам он никогда не смог бы сказать такие грязные слова, и лишь спокойно заявил: «Его слова также выражают мою позицию».

Тогда это также была позиция Ортодоксальной Академии.

Бе Тяньсинь успокоился, что в действительности сделало его еще более опасным. Казалось, что холодное намерение меча вот-вот вырвется из его одежды.

Чэнь Чаншэн почувствовал, как будто вновь видел Гуань Бая на улице, с намерением меча, мерцающим в глазах, и угрожающей остротой в нем.

«Так, как оказывается, вы оба ищете смерти».

«Я не хочу умирать, - заявил Чэнь Чаншэн, - но если бы ты не провоцировал нас, ситуация не стала бы настолько неприятной».

Бе Тяньсинь повернулся к Тангу Тридцать Шесть, спрашивая с ухмылкой на лице: «Когда ты сказал эти четыре слова, возможно, ты никогда не интересовался о том, кто моя мать?»

Если бы это был обычный человек, который не знал о происхождении Бе Тяньсиня, он бы определенно поинтересовался о его родословной, услышав эти слова. Но если он знал о его происхождении, кто посмел бы сказать такие грязные слова относительно его родителей?

Однако, Танг Тридцать Шесть никогда не был обычным человеком. Он насмешливо спросил: «Штормы Восьми Направлений - важны?»

http://tl.rulate.ru/book/1222/127489